

Память

У меня всегда была тяга к старым вещам. Причём, чем старше они были, тем больший восторг они вызывали. Мама всегда ругалась, что я сделала из своей комнаты склад. Я тащила туда все старое, ненужное, забытое. Но я видела в этих вещах свою прелесть. Мне казалось, что они говорят со мной. Не в прямом смысле, конечно. Но когда я брала в руки полувековые бусы из стекляруса (как и любую другую вещь), в моем воображении всплывали картины. Я видела, как эти бусы бережно брала в руки молодая женщина. Видела её пальцы, кольцо на безымянном пальце, видела, как она украшала ими прекрасные шею и грудь, от которых мужчины сходили с ума. Видела, как эта же женщина отдавала бусы своей шестилетней дочери, лежа при смерти на больничной кровати. Как девочка плакала, держа их в руках. Потом девочка выросла, а бусы положила в шкатулку на антресоль. Там же их обнаружили новые хозяева квартиры, откуда бусы отправились на помойку. А мне было десять лет, когда я трясущимися руками подняла эту драгоценность и принесла домой. Не знаю, фантазии это мои были, или правда, но я чувствовала эту вещь. В ней была жизнь. Жизнь других людей, чужих и незнакомых.

И таких вещей было у меня предостаточно. Потом я стала более разборчива в выборе «антиквариата». Пока совсем не перешла на него. Я мечтала научиться вдыхать в старые вещи новую жизнь. Так я стала реставратором. Но мало кто из моих коллег мог понять моего восторга, когда я брала в руки подпорченную картину или растрескавшуюся от времени старинную вазу. Для них это была работа. Для меня – жизнь.

Каков же был мой восторг, когда меня пригласили в интернациональную группу, занимающуюся реставрированием памятников архитектуры. В группе от России было десять человек. Первым нашим объектом был средневековый замок в Англии. К своему стыду, я плохо знаю историю. И даже не имела представления, куда еду, сколько лет этому замку, и что там надо реставрировать. Но одна мысль прикоснуться к столь величественной старине приводила меня в почти священный трепет.

Так получилось, что из десяти человек, я была единственным представителем слабого пола. Должна была поехать ещё одна женщина, но её муж был категорически против. Я, естественно, не замужем. Кавалеры, привлеченные моей внешностью, конечно, были. Но они быстро кончались, сталкиваясь с моей «ненормальной» тягой ко «всякой старинной фигне», как выразился один из них.

Итак, мы прибыли на место. Передо мной возвышался огромный каменный великан с массивными стенами, заброшенным садом, на территории которого располагалось столь же заброшенное кладбище. Здесь все дышало прошлым. Каждый камень мог рассказать свою историю о том, кто здесь жил на протяжении многих веков. Для всех эти камни были холодными, безжизненными. А я чувствовала их тепло. Нет, не их. Тепло тех, кто здесь жил. Время не уничтожило их следы. Для меня, по крайней мере.

Замок был словно пронизан следами прошлого. Это какие-то нити энергии. Ощущать эти нити я стала только здесь. Нет, это не пустое место. Здесь люди жили. Любили, страдали, радовались, печалились, рождались и умирали. А мы, слепцы, ходим и не чувствуем этого. Говорим о какой-то ерунде: как шлифовать камни, какие вставлять окна, двери, где вешать ковры. Здесь будет то ли чья-то резиденция, то ли музей. Да

разве десять человек справятся с этой машиной? Ах да, Михаил Юрьевич, руководитель нашей группы, вчера сказал, что будут ещё французы, немцы, англичане, естественно. Но начинать будем мы. Удивительное доверие оказано России!

Когда первый рабочий день подошёл к концу и все отправились по своим комнатам (мы жили пока что прямо в замке), я отправилась в бальную залу. Вот здесь был трон, и сидел хозяин замка. Здесь стояли длинные столы, за которыми проводили пиршества. Здесь играли музыканты. И танцевали пары под их чудесную музыку. Нити энергий пронизывали пространство, проходили сквозь меня. Продвигаясь по зале, я чувствовала, как они меняются. Здесь кто-то когда-то кому-то в любви признавался. Здесь священник благословлял молодых, но брак не был удачным. Здесь отец держал на руках мертвого сына. Стоп! Нити здесь больно ранили. Я чувствовал боль этого человека. Боль, которой уже сотни лет. Я поспешила уйти из этого места. И попала в другое. Здесь счастливые пары танцевали под красивую музыку своего времени. Нити здесь были лёгкими, ласкающими. Я сама закружилась в этом танце.

- Анна, - услышала я голос, разлетевшийся эхом по зале.

- Михаил Юрьевич, - я остановилась и посмотрела на него. И покраснела от неловкости, представив, в каком виде он меня застал.

- Почему вы ещё не спите?

- Я хотела посмотреть залу.

- А вы не боитесь призраков?

- А разве они существуют?

- А разве в таком старинном замке обойдется без них? - он добро засмеялся. – Вы красиво танцуете. Позвольте пригласить вас.

Я подала ему свою руку. И мы закружились в ритме неслышимого вальса. Я была влюблена в него. И каждое его прикосновение дарило мне невероятную радость. А он лишь улыбался и продолжал двигаться в заданным им же ритме танца.

Эту ночь мне не спалось. А, по известным причинам, комнату занимала я одна. Я ворочалась на раскладушке, но Морфей все не спешил принять меня в свои объятия. Вдруг мне послышалась музыка, дивно красивая, но какая-то старинная. «Ей не меньше четырех сот лет», - подумала я. Но откуда ей было взяться. Все-таки, любопытство побороло страх, и я пошла на эту музыку. Она доносилась из залы, где я сегодня вечером танцевала. Я приближалась к зале. Я слышала эхо от своих шагов. Замок был пуст, не считая десяти реставраторов, девять из которых спали. Мне казалось, что стук моего сердца тоже разносится эхом по этим коридорам.

Я вошла в залу. Она была залита светом свечей. Столы были полны яствами. Мимо них проносились служанки с подносами. За столами сидели гости, а во главе стола – сам хозяин. Мужчина лет сорока с аккуратной бородкой и глазами, преисполненными отваги и благородства. Да, такой взгляд редко встретишь у современных мужчин. В левом углу играли музыканты. А по залу в красивом медленном танце плыли молодые пары. Нет, это не вальс. Не знаю, как назывался танец в Англии шестнадцатого века. Но он был чудесен.

Меня они не видели. Я подошла ближе. Нет, это не призраки. Это как голограммы, воплотившиеся нити энергий, оставшиеся от людей, некогда обитавших здесь. Мой страх пропал. Замок разговаривал со мной. Он показывал мне свою жизнь, свою душу. По

моим щекам текли слезы благодарности. Я была готова расцеловать каждый камень в его стене за оказанное мне доверие, за возможность видеть это, за возможность знать, чью историю хранят эти стены...

Видения эти теперь сопровождали меня всюду. И я точно знала, что они – не продукт моей бурной фантазии. Они есть тайна, доступная мне, доверенная мне. Но только ли мне? Иногда мне казалось, что руководитель наш тоже подолгу засматривается в пустое место. Для других пустое. А для меня оно полно жизнью. Правда, жизнью давно умерших людей, часть энергии которых осталась в этих стенах.

Как-то вечером, после окончания работы я вышла на веранду полюбоваться закатом. И замерла, наткнувшись на двух влюбленных, слившихся в поцелуе. Я почувствовала, насколько чиста и нежна их любовь. И пусть их давно уже нет в живых. Более того, я знала, что они никогда и не были вместе, но любовь эта жила в их сердцах всю жизнь.

- Трогательная история, не так ли? – услышала я голос нашего руководителя у себя над ухом.

- Вы... Вы тоже видите их? – спросила я, запинаясь от неожиданности.

- Да, как и вы, Анна.

Тогда он впервые поцеловал меня.

Пройдут ещё столетия. Нас не будет на свете. И кто-то войдет в эти стены, если, конечно, время не уничтожит их. И почувствует ли он нас? Наши радости и горести, любовь и ненависть, счастье и страдание? Сохранит ли замок нас, как память, как невидимые нити энергий, которые не всем дано ощутить? И когда камни сотрутся в пыль, сохранит ли эта пыль память о нас? И я знаю, что да. Люди приходят и уходят, но земля помнит след от каждой ноги, ступавшей по ней...

[Обсудить на форуме](#)